

К.Д. Ушинский и педагогическая мифологема: диахронический аспект

K.D. Ushinsky and pedagogical mythologem: the diachronic aspect

А.И. Лазарев,

Учредитель историко-филологического фонда им. А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

A.I. Lazarev,

Founder of Historical and Philological Foundation named after A. Khovansky
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются синхронические научно-политические контексты, во-первых – творческого периода К.Д. Ушинского в 50-60-х годах XIX в., во-вторых – времени возвращения его наследия в практику государственного образования и воспитания в 30-50-х годах XX в. На фоне этих контекстов выявляются некоторые противоречия в общепринятых представлениях, касающихся не столько реальных заслуг Ушинского, сколько сложившейся в связи с ними своего рода «педагогической мифологемы».

Ключевые слова: К.Д. Ушинский, «Филологические записки», воспитывающее обучение, новое учение о языке, родной язык, методика преподавания.

Abstract

The article deals with synchronous scientific and political contexts, firstly, of the creative period of K.D. Ushinsky in the 50s-60s of the XIX century, and secondly, the time of the return of his heritage to the practice of public education and upbringing in the 30s-50s of the XX century. Against the background of these contexts, some contradictions in generally accepted ideas are revealed, concerning not so much the real merits of Ushinsky as a kind of “pedagogical mythologeme” that has developed in connection with them.

Keywords: K.D. Ushinsky, "Philological Notes", upbringing education, new teaching about language, native language, pedagogical methodology and didactics.

200-летие со дня рождения К.Д. Ушинского, как и всякий достопочтенный юбилей, необходимо встречать хвалебными словами, коих о выдающемся русском учёном было сказано уже настолько много, что они едва ли не сотворили из его персоны настоящего кумира отечественной педагогики. Константин Дмитриевич и в самом деле является одним из ярчайших русских педагогов XIX в., стоявших у истоков этого направления в отечественном гуманитарном знании, но точно далеко не единственным, оказавшим значительное влияние на его становление. Бесспорно, педагогические труды Ушинского – прекрасного автора с увлекательным слогом и безграничной эрудицией – достойны высших похвал. Проблема только в том, что со временем в публикациях о педагоге и его творчестве стали появляться некоторые приписываемые ему достижения, причем не всегда вполне оправданно.

В широких кругах Ушинского принято величать едва ли не единственным основоположником российской педагогики вообще и методики преподавания родного языка в частности, подчас практически не ассоциируя эти заслуги с другими деятелями науки и народного образования. Разумеется, профильные специалисты хорошо понимают реальную роль и место Ушинского в этом деле, тогда как у иных, изучавших историю развития этого

нового для XIX в. направления гуманитарного знания не подробно, а лишь поверхностно, может сложиться обманчивое впечатление, что среди его предшественников, современников и последователей некому присвоить столь лестные титулы. Настоящие же знатоки истории педагогики прекрасно представляют себе, что эти громкие звания обладают скорее номинальным или символическим статусом, прежде всего, в связи с наследием, оставленным академиками И.И. Буслаевым и И.И. Срезневским, также имеющим непосредственное отношение к началам русской педагогики, да и собственно к формированию научного мировоззрения самого Ушинского. К тому же, учитывая задачи региональной конференции, можно вспомнить о признанных российскими академиками, профессорами и простыми учителями педагогических достижениях журнала «Филологические записки» и редакторских заслугах его издателя А.А. Хованского, отмеченного за свою деятельность в этом направлении двумя государственными орденами.

Чтобы отчетливее уяснить причины некоторой мифологизации научных заслуг К.Д. Ушинского, необходимо рассматривать судьбу его наследия на фоне двух синхронических контекстов: первый – периода его творческой деятельности, когда были созданы главные его произведения и уже несколько лет в Воронеже выпускался журнал «Филологические записки», специально посвященный сравнительно-историческому методу, стоявшему у истоков отечественной педагогики; второй – времени возвращения его наследия в научно-практическую сферу после некоторого забвения, когда в связи с социалистическим переустройством общества и доминированием «марксистского языкознания» возникли условия для формирования «научных мифов» на почве «нового учения о языке» Н.Я. Марра, объявившего компаративистику чуждой буржуазной наукой.

Очень подробно историю преподавания отечественного языка до середины XIX в., особенно в первые десятилетия, описывает в «Филологических записках» А.Н. Чудинов, редактор-издатель журналов «Пантеон литературы» и «Семейная библиотека», в своем «Очерке общей истории языкознания в связи с историей обучения родному языку» [28]. Обращаясь к заслугам отечественных деятелей науки в развитии методики преподавания русского языка, автор ставит Ушинского в один ряд с академиками Ф.И. Буслаевыми и И.И. Срезневским, сразу вслед за ними. Этот очерк, близкий по размеру к монографии, привлекает внимание, поскольку написан синхронистом и синоптиком (от др.-греч. *συνολτικός*, букв. «со-наблюдающий»), прекрасно осведомленным о текущем положении дел. Согласно плану, изложенному автором в предисловии своей работы, в его труд вошло рассмотрение следующих вопросов: очерк исторического развития общих идей языкознания; история последовательного влияния этих идей на разработку русского языка; изложение участия, какое научная разработка языка принимала в области педагогики, и изменений, каким подвергалась первая под влиянием исторического развития педагогических взглядов; наконец, современное тому положение преподавания отечественного языка с точки зрения новых требований науки о языке и педагогики.

Как известно, основная идея трудов К.Д. Ушинского, помимо антропологической педагогики, была обращена к вопросу постановки родного языка в основу воспитывающего и развивающего обучения и к определению роли народности в этом процессе. А как ещё ранее заметил в своем фундаментальном труде «О преподавании отечественного языка» Ф.И. Буслаев: «чтобы определѣнить преподаваніе языка, надобно, вопервыхъ, определѣнить самый предметъ, т. е. языкознаніе, и вовторыхъ, показать, какимъ образомъ этотъ предметъ долженъ быть средствомъ къ воспитанію, и какимъ образомъ довести учащагося до основательнаго знанія и сознательнаго дѣйствования» [4: 2]. К 40-м гг. XIX в., когда Ушинский был ещё студентом, уже накопился богатый методический материал, что дало возможность Буслаеву на основе отечественного и зарубежного опыта создать обобщающий труд по методике русского языка, с момента выхода которого методика преподавания русского языка приобрела статус самостоятельной области человеческого знания [11].

Таким образом, становится очевидным, что основным источником отечественной педагогики служит языкознание, получившее в начале XIX в. новый импульс на почве

только ещё формирующегося сравнительно-исторического направления, повлиявшего и на развитие психологии. И именно заслуги Ф.И. Буслаева в деле преподавания родного слова, по свидетельству академиков Я.К. Грота, А.Н. Веселовского, И.В. Ягича, М.И. Сухомлинова и А.Ф. Бычкова, «проложили новые пути, признанные единственно верными и обязательными для всех вступающих на то же поприще, [поскольку его] труды, основанные на сравнительно-историческом методе, впервые приложенным к русской филологии, навсегда стали образцами глубокого изучения» [24]. Приведем здесь также фрагмент из речи академика А.А. Шахматова: «...Первый научный труд Буслаева есть вместе с тем труд педагогический: это вышедшее в 1844 г. сочинение "О преподавании отечественного языка"» [29].

Академик А.А. Котляревский так писал в «Филологических записках» о другом труде Федора Ивановича: «"Опыту" г. Буслаева принадлежит самое видное место в истории русского языкознания, – так облегчены им последующие труды в этой области отечественной науки» [10]. Д.Н. Ушаков отзывался о книге «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) такими словами: «Громадное значение она имела в педагогическом мире, послужив образцом и источником для учебников, и имя Буслаева в течение полувека становится высшим авторитетом в России по всем вопросам русской грамматики» [12]. Современники называют академика родоначальником методики преподавания, построенной на объяснительном чтении и впервые примененной в русской школе, замечая, что «вне знакомства с полувековой деятельностью Буслаева едва ли кто-либо из учителей отечественного языка возьмется за дело преподавания» [24]. Ещё один замечательный педагог конца XIX в., редактор журнала «Педагогический листок» В.П. Острогорский, назвал книгу Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» вместе с «Педагогическими беседами» И.И. Срезневского и трактатом последнего «Мысли об истории русского языка» произведениями, которые «положили серьезное основание и метод нашему позднему отечественному языкознанию в применении к школьному курсу» [17].

В середине XIX в. в российском учёном обществе назрела необходимость создания филологического научно-методического печатного органа для координации деятельности единомышленников: ученых-лингвистов, методистов-исследователей, учителей-практиков [22]. Побудительным призывом к этому свершению стала статья известного филолога того времени Н.П. Некрасова «О преподавании Словесности в средних учебных заведениях» (1858), где автор говорит, что полезно было бы «издавать учебный журнал по предмету Словесности, в который бы входили только те статьи, или уроки, которые окажутся более того достойными. – Этот журнал мог бы служить некоторым образом руководством для всех учебных заведений (и должен бы быть обязательным); <...> [чтобы] пробудить жизнь в деле преподавания» [14]. А уже в 1859 г. А.А. Хованский обратился в главное управление по делам печати и высшему военно-учебному начальству за разрешением издавать в Воронеже такой журнал, и в 1860-м первый его номер увидел свет.

Для достижения обозначенной цели редакция определила приоритетными следующие задачи: во-первых, «следить за всеми явлениями и усовершенствованиями языка, развивать и разъяснять разные научные вопросы, – разрабатывать науку о слове, упрощать самое изложение ее и преподавание и делать ее более доступною и популярною наукою». Во-вторых, «доставлять учащим пособие для преподавания Русского языка и Словесности в средних и особенно в низших учебных заведениях». Для этого, по мнению А.А. Хованского, следовало «привести в известность, – что сделано у нас по предмету Русского языка... и что делается в настоящее время разными преподавателями и любителями родного слова». В этом отношении редактор особенно подчеркивал, что журнал должен стать «живым органом и проводником всех современных вопросов, касающихся разработки и изучения родного языка» [25: 2]. В течение трёх десятилетий редактор публикует свои статьи и труды других авторов на эту тему, собирает материалы для такого учебника: «считаем не лишнею всякую заметку, в которой указывается, – *где, когда и как* развивалась эта деятельность, – как шло преподавание русского языка» [26]. При этом Хованский поддерживает мысль Буслаева о том, что лишь историко-

сравнительное изучение языка «с другими наречиями было бы более разумное, осмысленное и отличалось бы от настоящей методы» [26: 12].

По иронии судьбы советское государство решило обратиться к наследию К.Д. Ушинского в 30-40 гг. XX в., когда сравнительно-историческое языкознание было официально признано «буржуазным учением», противоречащим «новому учению» доминирующего тогда «марксистского языкознания» настолько, что заведующим профильными кафедрами настоятельно запрещалось даже упоминание учёных, развивавших в своё время это направление; т.е. имена Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского и им подобных были научно табуированы, а всякое упоминание о лингвистах дореволюционного периода вообще считалось вредоносным поклонением перед буржуазной наукой. Сложно даже представить, насколько Н.Я. Марру мешал журнал «Филологические записки», опровергавший самым фактом своего существования всю антинаучность его учения!

Уже в наши дни директор Института языкознания РАН В.М. Алпатов назвал тот период самым мрачным временем в отечественной филологии, способствующим формированию и распространению «научных мифов», подпитывающих мифы об учёных: «Чёрным днём для советского языкознания стала пятница 22 октября 1948 года, когда на совместном заседании учёных советов Института языка и мышления и Института русского языка прозвучали доклады Мещанинова "О положении в лингвистической науке" и Филина "О двух направлениях в языкознании"», где заявлялось о существовании в СССР «реакционных языковедов», ведущих «борьбу с советским материалистическим языкознанием» [1]. Именно в этих тяжелых для настоящей филологической науки условиях и готовился к переизданию ряд томов педагогических произведений К.Д. Ушинского, когда ни о Ф.И. Буслаеве, ни о И.И. Срезневском, ни тем более о «Филологических записках» не было никакой возможности упомянуть всуе. Образно говоря, филология в то время из науки превратилась в «научное направление по изучению языкознания в целях социалистического переустройства общества». Нечто подобное можно заметить и о педагогике того времени, имея в виду гонения на только развивающуюся тогда педологию, также признанную классово чуждым учением.

Впоследствии, в связи с переменой политического курса и реабилитацией сравнительно-исторического языкознания, исследователи обрели возможность по достоинству оценить вклад филологов-компаративистов в развитие отечественной педагогики. В 60-70 годы появляются публикации, обращенные к наследию Ф.И. Буслаева и И.И. Срезневского и их вкладу в теорию и практику преподавания родного языка [20]. В 1964 г. в статье, специально посвященной И.И. Срезневскому (во второй части монографии «Из истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях России» /дореволюционный период/»), М.С. Лапатухин представил лингвистические взгляды академика как основу методических принципов преподавания родного языка в школе, определившую место и роль родного языка в образовании учащихся и обозначившую цель изучения отечественного языка в начальных и старших классах; а также – его программу по русскому языку; школьные учебники; методику преподавания грамматики и методы развития устной и письменной речи [12]. В 1972 г. на страницах журнала «Русский язык в школе» появилась статья В.И. Лебедева «И.И. Срезневский как методист», автор которой на основе изучения «оригинального методического труда» – книги «Об изучении родного языка» – выделял «значительное влияние» «Педагогических бесед» на К.Д. Ушинского, который «творчески развивал мысли Срезневского о сознательности, систематичности, активности, доступности обучения; о работе по лексике как основе изучения частей речи; о наблюдении с исследовательским уклоном» [13]. Позднее академик В.В. Виноградов отмечал, что «синтаксическая система Буслаева надолго определила основные приемы школьного построения и изучения синтаксиса русского языка» [6: 73].

Однако в 30-40-х годах XX в. писать о вкладе филологов XIX в. в развитие школьного образования без риска для жизни и карьеры не было возможности, свидетельством чему служат судьбы Е.Д. Поливанова и др. Репрессии коснулись и воронежских краеведов и преподавателей университета: в частности, за отказ от следования «марксистским принципам» в языкознании

был арестован и сослан профессор М.Н. Крашенинников [2]. Эти печальные факты настолько сильно повлияли на развитие региональной филологической школы, что даже в 1990-х годах авторы публикаций о «Филологических записках», специально посвященных в своё время сравнительно-историческому языкознанию, о чём было прямо указано на обложках журнальных номеров, всячески избегали упоминаний об исследованиях, связанных с компаративистикой [21; 3]. Поэтому в течение долгого времени в филологических и педагогических трудах практически невозможно обнаружить ссылки на журнал А.А. Хованского. Всё это крайне негативно сказалось на гуманитарном знании в целом, поскольку вместе с тем надолго оказались вне исследовательского фокуса замечательные образцы отечественной языковедческой и педагогической мысли.

Вероятно, тот антинаучно-политический контекст в определенной мере повлиял и на формирование мифологемы о первоочерёдности К.Д. Ушинского в связи с некоторыми достижениями в отечественной педагогике. Как бы то ни было, в тех или иных источниках можно встретить ряд более или менее часто приписываемых выдающемуся педагогу заслуг и приоритетов. Эта «педагогическая мифологема» содержит целый ряд пунктов. В некоторых публикациях Константина Дмитриевича называют не только «основоположником русской педагогической науки» [9], но и отмечается, что «особая заслуга педагога состояла также в том, что он на первое место в учебном плане школы выдвинул родной язык» [8]. Чтобы прояснить историю появления этой стратагемы (о постановке родного языка на первое место в общественном образовании), достаточно ознакомиться только с одной публикацией в «Филологических записках» – «О преподавании отечественного языка: очерк общей истории языкознания в связи с историей обучения родному языку», из которой следует, что эта идея стала общим местом во взглядах на организацию народного образования вместе с учреждением соответствующего Министерства в 1802 г. И ещё Николай I сразу после восшествия на престол распорядился о пересмотре существующей системы просвещения для выбора новой и о создании двух Комитетов, которые вынесли определение о постановке русского языка за основу в образовании. Эту же мысль последовательно высказывали и министры народного просвещения А.С. Шишков и С.С. Уваров, при этом первый приписывал языку исключительно воспитывающее значение, отводя собственно обучению пассивную роль и едва ли не отрицая за ним всякое педагогическое значение. Таким образом, идея о том, что отечественному языку должно отводиться первое место в воспитании, к началу XIX в. уже считалась общим местом в педагогическом сообществе, о чем можно судить и из книги Бушлаева, в параграфе которой «Отношение отечественного языка к прочим предметам преподавания» он прямо и недвусмысленно заявляет: «Отечественный язык предпосылается, как известное основание, к которому всё должно относиться. <...> Таким образом, отечественный язык постепенно и нечувствительно введет ученика в область науки» [5].

В разного рода современных публикациях можно также обнаружить, что Ушинскому приписывается звание «изобретателя звукового аналитико-синтетического метода обучения грамоте» [18]. Между тем в «Филологических записках», в статье, посвященной 50-летию научной деятельности Ф.И. Бушлаева, это достижение автор связывает с деятельностью академика, имея в виду его руководство для преподавания по звуковому методу в начальных школах, составленное в 1842 г. по поручению московского градоначальника и попечителя Московского университетского округа, графа и почетного академика С.Г. Строганова [24]. При этом в статье упоминаются и учебники А.А. Гуслистого: «Российский букварь для обучения детей грамоте по новейшему способу, не заставляя их заучивать ни одного склада» (1823) и «Способ обучать детей по-русски без заучивания складов в самое короткое время» (1831). Довольно подробное исследование первых достижений этого направления в отечественной педагогике осуществила Е.Ю. Рюмашина в статье, посвященной применению звукового метода в российских азбуках и букварях 1820-1840 гг.: «Первый известный нам пример использования звукового способа обучения грамоте в нашей стране – «Полная российская азбука» Михаила Гутта, изданная в Москве в 1821 г.» [19] (при этом применение звукового способа было сопряжено со специально организованным визуальным рядом). Кроме того,

автор рассматривает и заслуги А. Гуслистого, Д. Дмитриева и А. Дараган в домашнем, а не школьном обучении звуковому чтению.

В публикациях на студенческих порталах можно обнаружить и такой тезис: «Ушинский выдвинул принцип воспитывающего обучения, рассматривая изучение любого предмета, как единый процесс умственного и нравственного развития», – тоже оспоримый в связи с наследием Ф.И. Буслаева, полагавшего, что «нет ни одного предмета в обучении юношества, который, в руках несколько искусных, не мог бы служить средством к воспитанию», и считавшего, что особенно гармонически преподавание с воспитанием совокупляется в обучении отечественному языку, раскрывающему все нравственные силы учащихся и дающих истинно гуманистическое образование, а вместе и свое собственное, народное: «Мне даже неприятно видеть исключительно только учителя языка, естественной истории или географии и пр., – пишет Буслаев, – когда я ожидаю большего: воспитателя детей, образующего разум для образования сердца и вносящего светоч в души еще новые, чтобы осветить их благоразумием и добродетелью» [5]. Приведенному в начале абзаца тезису можно также возразить и материалами из «Филологических записок», свидетельствующих, что идея воспитывающего обучения к началу XIX в. является вполне общепринятой, начиная с Д. Локка, более всего придававшего значение воспитанию и рассматривавшего обучение как одно из воспитательных средств, «пользоваться которым надо умеючи, для достижения главной задачи – возбуждения самостоятельности». Сюда же можно отнести и мысли И. Песталоцци, утверждавшего, что обучение имеет целью: «во 1-х, сообщить известный учебный материал, усвоить за учеником известное знание и вместе умение, и во 2-х, посредством учения развить его силы, имея в виду, прежде всего, последнюю часть, а потом уже первую, или, лучше сказать, соединяя обе цели вместе». Далее можно вспомнить представления К. Шмидта о родном языке как воспитательном средстве развития мыслительной способности, а также рассуждения И. Гербарта, определявшего обучение как «преднамеренное, систематическое образование и развитие представлений, образующих элементы духовной жизни для достижения всестороннего совершенства» и т.п. [28].

В иных современных работах можно встретить тезис о том, что К.Д. Ушинский «предопределил следующие прогрессивные тенденции в решении жизненно важных проблем отечественной педагогики: взаимодействие педагогики и психологии; синтез образования и воспитания; формирование целостной личности (сочетание физического и духовного развития)» [23]. Между тем мысли о взаимодействии педагогики и психологии, если не брать в расчет европейских авторов – Д. Локка, А. Дистверга, Ф. Бенеке, И. Гербарта, И. Песталоцци, Я. Коменского, К. Шмидта и др., можно встретить и у Ф.И. Буслаева. А уж идея «сочетания физического и духовного развития» даже в те времена считалась общеизвестным изобретением древних греков, о чём можно найти свидетельства в тех же «Филологических записках»: «В основу греческого воспитания положено было стройное развитие тела посредством гимнастических упражнений и художественное развитие души посредством музыки и поэзии» [28: 11 «Обучение родному языку в древней Греции»].

Вот это приобщение заслуг выдающегося русского педагога к изобретениям античных греков само собой формирует «героический» образ педагога, наделяя его персону едва ли не мифологическими достижениями и превращая его в, афористически говоря, светоч, затемнивший всех вокруг себя. На этом фоне описание заслуг светского учёного начинает походить на богословское агиографическое житие, поскольку обретение некоторых из них как бы относится уже к посмертным подвигам, и тут не без гротеска можно предположить, что ещё через столетие дойдет до того, как «наукословием» Ушинскому будет приписан «подвиг поражения острым копием педагогической антропологии змия народного невежества». Были бы лишь подходящие на то социально-политические условия!

Итак, исходя из диахронического обзора судьбы наследия К.Д. Ушинского, можно предположить, что предпосылками для некоторой мифологизации его настоящих достижений в антропологической педагогике, стал антинаучно-политический контекст периода возвращения его трудов в актуальную педагогическую реальность. Кстати заметить, именно в эти годы и в

связи со 100-летием со дня гибели А.С. Пушкина, широко отмечавшемся в 1937 г., появилась идея именовать великого русского поэта «основоположником русского литературного языка» [7], что некоторым образом соответствовало языковедческим веяниям того периода, названного В.М. Алпатовым временем формирования «научных мифов». Вероятно, это мифологизирование имело свой прок в известном пространственно-временном и политическом контексте. В том смысле, что фокусировало исследовательское внимание на поистине выдающихся трудах замечательного педагога и в то же время отвлекало от упоминаний о наследии других заслуженных и даже орденоносных деятелей отечественной науки, но, так сказать, нежелательных персонах в марристском языкознании (при том, что сам Ушинский государственных наград за свой вклад в педагогику при жизни не получил). Однако в наше время необходимо иметь адекватные представления об истории языкознания в связи с историей обучения родному языку, поскольку благодаря «Филологическим запискам» именно в Воронежской губернии сложилась научно-педагогическая школа, во многом определившая поступательное развитие педагогической мысли, соответствующей требованиям времени, по существу, точно, отвечавшей на тот социальный запрос, который диктовало время, а не политическая конъюнктура. Тем более, что у истоков региональной традиции стояли те же персоны, сотрудники А.А. Хованского по его журнальной и педагогической (методической) деятельности – академики Ф.И. Буслаев и И.И. Срезневский, которых по праву можно назвать предшественниками К.Д. Ушинского в общем национальном педагогическом деле и о трудах которых, в первую очередь, должен помнить каждый настоящий специалист-филолог.

Литература

1. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – М., 2018. – 284 с.
2. Акинъшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории, 1992. – № 6-7. – С. 173-178.
3. Антюхин Г.В. Журнал «Филологические записки» // Печатное слово России : История журналистики Черноземного центра страны XIX века. – Воронеж, 1993. – С. 175-194.
4. Архив РАН. Ф. 502. Оп.1. №. 116.
5. Буслаев Ф.И. О преподавания отечественного языка. – М., 1867. – 472 с.
6. Виноградов В.В. История лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю.А. Бельчиков. – М.: Высш. шк., 1978. – 367 с.
7. Виноградов В.В. Пушкин А.С. – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР : Отделение литературы и языка. – М., 1949. – Т. VIII. – Вып. 3. – С. 187-215.
8. Заварзина Л.Э. Актуализация педагогических идей К.Д. Ушинского в канун Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-педагогический журнал, 2015. – № 2. – С. 100-108.
9. Иванов Е.В. История образования и педагогической мысли: Учебно-методические рекомендации к семинарским занятиям. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. – 52 с.
10. Котляревский А.А. Сравнительное языкознание // Филологические записки, 1862. – В. 4-5. – С. 75-113.
11. Краткий библиографический словарь методистов русского языка (XIX–XX вв.) / Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студ. высших педагогических учебных заведений // Под ред. М.Т. Баранова. – М.: Изд. центр «Академия», 2000. – С. 323-360.
12. Лапатухин М.С. Из истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях России /дореволюционный период/. – М., 1964. – С. 164-196.
13. Лебедев В.И. Срезневский как методист // Русский язык в школе, 1972. – № 3. – С. 65-68.
14. Некрасов Н.П. О преподавании Словесности в средних учебных заведениях // Атеня. – 1858. – № 43.

15. *Никитин О.В.* «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева (к 200-летию со дня рождения ученого) // Вестник Томского государственного университета, 2019. – № 439. – С. 44-56.
16. *Никитин О.В.* Буслаев и Язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // Русская речь, 2018. – № 3. – С. 48-56.
17. *Острогорский В.П.* Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851–1864). – СПб., 1895. – С. 41-84.
18. *Рамзаева Т.Г., Львов М.Р.* Методика обучения русскому языку в начальных классах: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». – М.: Просвещение, 1979. – 431 с.
19. *Рюмашина Е.Ю.* «Новые облегчения к изучению чтения»: звуковой метод в российских азбуках и букварях 1820–40-х гг. // Отечественная и зарубежная педагогика, 2017. – Т.1. – №3 (39). – С. 167-185.
20. *Семячко Л.Н.* Методическое наследие академика И.И. Срезневского в области преподавания русского языка в школе: Дис. канд. пед. наук. – Калинин, 1984. – 152 с.
21. *Слинко А.А.* Воронежские «Филологические записки» // Очерки литературной жизни Воронежского края. – Воронеж, 1970. – С. 229-247.
22. *Телкова В.А.* Филологические журналы и их роль в становлении традиций отечественного лингвистического образования // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2014. – № 4. – С. 74-79.
23. *Тюкова Е.В.* Система развивающего обучения в трудах К.Д. Ушинского : Дис. канд. пед. наук. – СПб., 2005. – 184 с.
24. *Хованский А.А.* Чествование пятидесятилетия служения академика и заслуженного профессора, почетного члена разных университетов и ученых обществ Федора Ивановича Буслаева // Фил.записки – 1888. – Вып. 6. – С. 1-26.
25. *Хованский А.А.* От редакции // Филологические записки. – 1860. – Вып. I. – С.2.
26. *Хованский А.А.* Мысли о преподавании русского языка // Филологические записки, 1860. – Вып. 2. – С. 142-153.
27. *Хованский А.А.* Съезд учителей русского языка и словесности в Казани // Филологические записки, 1867. – Вып. I. – С. 1-32.
28. *Чудинов А.Н.* О преподавании отечественного языка: Очерк общей истории языкознания в связи с историей обучения родному языку // Филологические записки, 1870. – Вып. 5. – 260 с.
29. *Шахматов А.А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка / Четыре речи о Ф.И. Буслаеве. – СПб., 1898. – С. 7-16.